

ПРОЩАНИЕ

Экран и сцена - 1994 - 21-28 апр. - 9/16

Никто не замечал
подспудного
труда

Первая встреча с Крючковым произошла на съемках «Парня из нашего города», невыносимой осенью 41-го года. Партнерство на съемочной площадке продолжалось рытьем траншей на Мосфильме. Вернее наоборот, днем рыли траншеи, а ночью снимали в нетопленном павильоне, мечтая о стакане горячего чая. Раньше других фильм поехал в Алма-Ату, еще некинематографический город. Шли страшные сводки, сдавались города, не было уже дома, куда бы не пришла похоронка. А мы заканчивали один из первых фильмов о войне и думали, что это никому не нужно. Когда пушки стреляют — музы молчат. Мой муж Сергей был на фронте. И героя Крючкова в картине звали Сергей. В словах «...если с ним что-нибудь случится...» переплетались мои личные тревоги и чувства героини. Может быть, поэтому еще много лет спустя зрители спрашивали: Разве Крючков не ваш муж?

Коля был любимым Актером и Другом. Он был замечательным партнером-товарищем, внимательным к коллегам, терпеливым, лишенным эгоизма. Большим профессионалом Глыба, самородок, талант, богом данный Русский Жан Габен. При такой внешности, он был удивительно тонким. Сколько в нем было души!

После «Парня из нашего города» мы еще много раз были партнерами на площадке. Я видела его в разных характерах. Казалось, он легко переходит из роли в роль. Никто не замечал подспудного труда. А он работал глубоко, вдумчиво, будь это классика или современный материал.

Съемки часто сопровождалась экспедициями. Коля был страстный рыбак. Рыба, которую он почти не ел, подавалась группе. А когда после инфаркта он бросил курить, то начался чаепития. Чаепития и беседы Крючкова с шутками, анекдотами. К нему привлекало его жизнелюбие, жизнеутверждение. Подлинный герой времени и многих поколений зрителей.

Он был чрезвычайно отзывчивым человеком. Когда дуэтом мы ходили по высоким кабинетам как депутаты и добивались званий, квартир, больниц, Николай Афанасьевич предложил схему: сначала я как женщина пламенно скороговоркой выступала, а потом он как аккомпанемент, медленно и убедительно. На просьбы людей он откликался с обязательностью и удовольствием. Он сделал много, много добра.

Лидия СМЕРНОВА.

Высший пилотаж

Мое поколение узнало Крючкова уже на излете прежней славы, на отдели титанической эпохи, которая уходила в вечность отливом волны на глазах нового наглого времени. Больше того, нам — фанатикам Бергмана и Феллини, — все советское кино казалось полной чепухой, враньем, брызгами сталинского яда.

Но... но однажды, что-то вроде легкой прозрачной печали, нечто вроде тени от аэроплана среди солнечных облаков, что-то похожее на сон о летнем дожде подробно и тихо оросило душу, и влажным глазам открылась красота неправды.

Бог с ней, с правдой, с угрюмой копотью керосинка. Зачем умножать зло отражением на экране?

зачем унижать униженного? к чему пытаться бедное сердце истиной? копаться в грязном белье кровавой эпохи.

Это же кино!

Словом, вышло все совершенно точно по Марку Твену: «когда мне было пятнадцать лет, мой отец был полным идиотом. Но — боже — как он поумнел через три года! Я думал, что в его возрасте такое уже невозможно...»

И там, позади времени, на этом светлом, дождливом от полос киноплёнки экране — среди богов счастливой эпохи, первым среди первых царил Николай Крючков. В моем сегодняшнем понимании актером он как бы не был. Он был больше — он был

видом на счастье жить в советской стране. Лучшим пилотом волнующего времени. Красным ястребом над морем побед. Асом-ординоносцем среди олимпийских богов. У него были ясные глаза. Компанейская улыбка. Чубчик! Он был своим в доску тарнем из нашего города там — среди всех чудищ и обжор славы.

Станным образом Крючков делегировал на экран чувство простого и верного товарищества. И в «Парне из нашего города», и в «Трактористах», и в «Небесном тихоходе» он всегда играл за наших, в нашей команде, и зритель относился к нему не только как к актеру — а бери выше! — как к любимому футболисту, за которого ты болеешь всей душой. Вот он рвется к воротам врага, вот лихо обходит проходимца, вот ловко отдает пас Самойлову, получает мяч обратно, обходит Меркурьева и забивает мяч в ворота. Прямо в девятку. Гол!

Быть alter ego зрителя на экране — и есть высший пилотаж мировой звезды. Таким был и Жан Габен, и Мэрилин Монро. Самый дрянной фильм с их участием превращался в шедевр обожания. Достаточно было только любовно пожевать глазами экранного героя: вот он улыбнулся, вот оглянулся через плечо, вот свистнул, вот закинул голову вверх... что видишь ты в небесах сейчас, Николай Афанасьевич?

А видишь ты ангелов, которые сверкающей красной звездной эскадрилей летят в майском небе вечной победы над смертью. В их ряду есть место и для тебя. Лети, пилот! Все выше, и выше, и выше... Но лента внезапно рвется, экран пустеет, мы — мальчишки — начинаем кричать, свистеть, хлопать сидениями, радоваться минутной переменке хаоса. Наконец кинемеханик запускает кино, и на белой стене оживает Николай Крючков, в летчицкой форме, в фуражке, лихо заломленной на затылок, с чубчиком, с папироской в зубах.

Сегодня мы тоже кричим проклятому кинемеханику: сапожники, давай кино! Но смерть не отвечает, и только солнечный пустой сноп света из кинобудки внушает надежду, что когда-нибудь, однажды — в день воскресения — божественный луч потемнеет от прилива земли.

Анатолий КОРОЛЕВ.

● Приз «Честь и Достоинство» — Николаю Крючкову.

Фото Алексея Белячева.

